

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 34.01

А. Х. Ульбашев

ПРОБЛЕМА НОРМАТИВНОСТИ И ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА У ЕВРЕЕВ КАРАИМСКОГО ТОЛКА

Настоящая статья посвящена проблеме нормативности и вопросам толкования права у евреев караимского толка. Автор указывает на общеправовой характер данной проблематики, вместе с тем также подчёркивает то, что она была творчески осмыслена средневековыми караимскими мудрецами, в силу чего представляет значительный интерес для современной науки. Вместе с тем автор осознаёт, что данная статья носит постановочно-проблемный характер и не может охватить весь круг вопросов, относящихся к заявленной теме.

Отмечая общеизвестное отличие последователей караимизма от иудеев-раввинистов, автор показывает, что особенностями караимского религиозного вероучения была обусловлена необходимость создания оригинального инструментария по толкованию и применению божественного закона (Письменной Торы). В статье приводятся выдержки из работ крупнейших караимских законоучителей, в которых раскрывается отношение караимизма к вопросам (методам) толкования религиозного нормативного материала (главным среди которых является вопрос толкования положений Письменной Торы в условиях, когда те оказываются достаточно абстрактными и требуют руководящих пояснений). Отдельное внимание уделяется пониманию источников религиозного права представителями караимской богословской школы. Так, рассматривается вопрос о значении аналогии как средства толкования религиозных текстов. Автором также затронут наиболее дискуссионный вопрос о роли традиции как источника религиозного права у караимов, проводится разграничение между иудеями-раввинистами и караимами в понимании традиции.

В заключение анализируется возможность проведения сравнений между учением караимов и иудеев-раввинистов, с одной стороны, и мусульман, с другой. Автор приходит к выводу, что некоторые черты сходства караимской, раввинистической и исламской религиозной традиции не должны приводить к выводам о тенденции их сближения.

Ключевые слова: караимизм; раввинистический иудаизм; религиозная норма; толкование норм; Письменная Тора; Устная Тора; религиозная традиция.

Вводные замечания

Проблема нормативности является одной из центральных для юридической науки. Как утверждал О. Э. Лейст, «всякая норма есть обобщение».

Ульбашев Алим Хусейнович — преподаватель (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова); e-mail: alim-ulbashev@mail.ru.

Статья написана в рамках стажировки на юридическом факультете Еврейского университета в Иерусалиме (Израиль).

© Ульбашев А. Х., 2016

ние <...> Нормативный характер права дает возможность выразить типичные для данного общества противоречия и способы решения возможных споров и конфликтов» [3, с. 62]. Таким образом, предназначение *нормы права* состоит в недопущении, разрешении и (или) устранении последствий возникновения социального противоречия.

Норма права является универсальным мерилom правомерности («нормальности») поведения людей: так, например, императивная норма формализует единственно возможное, *должное правило поведения*; диспозитивная норма, напротив, лишь конкретизирует меру *возможного поведения*, сохраняя за субъектом правомочие (юридическую возможность) самостоятельно определять содержание своих действий.

Однако для того, чтобы определить, является ли то или иное поведение *правомерным*, «нормальным» (т. е. соответствующим норме права) или *неправомерным*, «ненормальным» (т. е. отклоняющимся от нормы права), необходимо определить, *что такое норма права*.

Проблема нормативности в праве распадается на несколько подуровней: (1) формализация нормы; (2) иерархия (ступенчатость) норм; собственно (3) определение содержания нормы права, а также (4) обеспечение её исполнения. Пояснить содержание указанных подуровней можно на следующем примере.

Представим, что среднему человеку (*average man*) задан вопрос: «Можно ли давать ложные свидетельства?». Ответ на данный вопрос, кажущийся, на первый взгляд, вполне очевидным, может быть дан на основе здравого смысла (*common sense*), благодаря познаниям в области права или же иным образом. Вполне возможно (и даже вероятно), что во всех случаях будет получен одинаковый ответ: «Нет, нельзя».

Однако для того, чтобы конкретное предписание получило нормативно-правовой характер, оно должно быть формализовано, т. е. прямо легализовано в источнике права. В рассматриваемом случае запрет на дачу ложных показаний становится нормой лишь тогда, когда он прямо закреплён в законе или ином правовом акте. Более того, действие соответствующей нормы не должно нивелироваться действием нормы права более высокого порядка, обладающей большей юридической силой.

Законодательством большинства развитых правовых порядков установлен запрет на дачу ложных показаний, а также установлены уголовно-правовые санкции за нарушение подобного запрета. Таким образом, законодательно (позитивно) определяется как сама норма права (т. е. правило поведения), так и ответственность за её неисполнение.

Вместе с тем, как известно, ответ на заданный вопрос содержится в Священном Писании:

לֹא תִעֲנֶה בְּרֵעֲךָ עַד שֶׁקָּרַךְ Не давай ложных свидетельств о своем ближнем.

Исх. 20:13-14 [5]

Формально говоря, в Торе установлена норма религиозного права, выражающая запрет на совершение определённого действия (а имен-

но — дачу ложных свидетельств в отношении «своего ближнего»). Однако прочтение данной нормы ставит ряд вполне очевидных вопросов: 1) подлежит ли указанная норма расширительному или ограничительному толкованию (иными словами, действует ли запрет на дачу ложных свидетельств лишь в отношении «своего ближнего» или неопределённого круга лиц); 2) является ли лжесвидетельством добросовестное заблуждение; 3) каковы санкции за неисполнение нормы; 4) кем обеспечивается исполнение данной нормы.

Особенностью практически любой нормы (в том числе религиозного права) является её *неопределённость*, как следствие, возникает практическая необходимость в её интерпретации. Приведённый выше пример наглядно показывает, что собственно к самой проблеме нормативности примыкают вопросы *толкования права* [6, с. 329].

В мировой юридической литературе затронутые вопросы стали широко обсуждаться во многом лишь в XIX—XX вв. Вместе с тем примечательно, что в караимских источниках уже в раннем Средневековье велась активная полемика по очерченному кругу вопросов и выдвигались весьма оригинальные идеи, которым и посвящается настоящая работа.

Основы караимской традиции

Считается, что караимизм является одним из «оппозиционных», «диссидентских» направлений в иудаизме. Особенность караимизма состоит в отрицании Устной Торы (ивр. תורה שבעל פה). Сами караимы полагают, что только Письменная Тора (ивр. תורה שבכתב) может рассматриваться в качестве источника священного знания (и, как следствие, норм религиозного права). Как утверждал Я. Дуван, «Учение о Боге, о Его деяниях, как о Творце Едином, Всемогущем, Добром, Милостивом и о законах, данных Им через избранных Им пророков, называется — *Законом Божиим* (תורה אלהית) или *религией*. *Караимская же религия* основана исключительно на письменных законах Моисеевых и на остальных книгах Св. Писания (תורה ונביאים)» [1, с. 2].

Вместе с тем известно, что иудеи-раввинисты убеждены в том, что на горе Синай Моисею были ниспосланы две Торы — Письменная и Устная [6, с. 232—233]. На протяжении длительного времени существовал запрет записывать Устную Тору. Тем не менее, разрушение Второго Храма и начало гонений на евреев поставили вопрос о необходимости записи Устной Торы с целью недопущения возможной утраты религиозного знания.

Однако такие доводы были отвергнуты караимами. В достаточно аргументированную дискуссию с раввинистами вступил караимский богослов Салмон бен Иерухам, живший в X веке. Наверное, одним из самых основных и в то же время остроумных доводов бен Иерухама было то, что даже в том случае, если Устная Тора существовала и действительно была ниспослана Моисею, не означает ли это, что Творец сам желал, чтобы она в последующем не записывалась и оставалась устной.

Следуя логике караимского мудреца, действия иудеев-раввинистов по формализации Устной Торы следует рассматривать как нарушение воли Всевышнего. Кроме того, бен Иерухам «упрекал» своих оппонентов в том, что Устная Тора (формализованная ими в Мишне, ивр. ‏ и Талмуде, ивр. ‏) достаточно казуистична.

Общий вывод богослова был в целом следующим: Устная Тора является результатом человеческого интеллектуального творчества, своего рода комментированием Законов Моисея, но сама по себе не носит священного (сакрального) характера [9]. В последующем аргументация бен Иерухама нашла близкое по своей направленности развитие в трактате другого известного караимского законоучителя Якуба аль-Киркисани «*Китаб аль-Анвар*».

В целом же можно заключить, что последователи караимизма в своей повседневной и религиозной практике должны руководствоваться исключительно положениями Письменной Торы (‏), поэтому их религиозные взгляды в литературе часто определяются как *доктрина скриптуализма*.

Однако логически возникает вопрос: как караимы разрешают ситуации, при которых положения Письменной Торы оказываются достаточно абстрактными и требуют пояснения? Как уже указывалось, в отличие от иудеев-раввинистов караимы лишены *формальной* возможности искать ответы на возникающие вопросы в других источниках, кроме как в Письменной Торе. Условно говоря, Письменная Тора традиционно рассматривалась караимами как «вещь в себе», толкование её положений не допускало обращений к внешним источникам.

Вместе с тем если обратиться к караимской традиции, то, конечно же, можно выявить ряд примеров, свидетельствующих о том, что караимы на протяжении всего времени своего существования активно развивали собственное религиозное учение, заложенное в Письменной Торе, привнося в него нормы, ранее неизвестные. Так, ярким примером данному тезису может служить еврейский брачный договор ‏, прямо не упоминающийся в Торе, но при этом существующий у караимов. Необходимость института *ктубы* объяснялась аль-Киркисани чисто практическими соображениями, а также тем, что составление *ктубы* не нарушает каких-либо религиозных законов [9]. В большинстве случаев *новеллы* оправдывались практическими соображениями, а также принимались попытки найти им объяснение в самой Письменной Торе (т. е. логически выводились из Священного Писания).

По указанной причине рядом авторов выдвигается тезис, что караимы никогда не руководствовались «чистым» скриптуализмом, поскольку «еврейская Библия с ее глубоким содержанием, просто не обеспечивала достаточного законодательного регулирования для управления сложноорганизованным обществом» [7, с. 158].

Уже в Средние века караимская юриспруденция активно развивается, при этом главным образом в ней совершенствуются методы толкования

Священного Писания, его творческого осмысления, в конечном счёте нормам религиозного права обеспечивается их гибкость и действенность.

Толкование норм религиозного права: опыт караимского осмысления

По определению Г. Кельзена, «толкование есть духовная деятельность в его движении от вышестоящей к нижестоящей ступени. В обычном случае, случае толкования закона необходимо ответить на вопрос о том, как из общей нормы закона выводится соответствующая тому или иному конкретному факту индивидуальная норма судебного решения или административного акта» [2, с. 186].

К проблеме толкования обращались также и караимские богословы. Ограниченность нормативного материала (признание только Письменной Торы в качестве источника религиозного права) приводила к тому, что караимам необходимо было выводить правило поведения исключительно из самого Священного Писания.

Как утверждал Якуб аль-Киркисани в трактате *Китаб аль-Анвар* (II, 18:1), «есть три источника, из которых может быть выведено [религиозное знание, по сути норма религиозного права]: первоисточник (т. е. Письменная Тора), аналогия (*аль-кияс*) и консенсус (*аль-иджма*)» [цит. по: 9, с. 23].

Понятно, что наибольший интерес вызывают два последних источника религиозного знания — аналогия и консенсус, поскольку они могут показаться в некоторой мере «нетрадиционными» для караимов, сближающими их с иудеями-раввинистами и даже мусульманами.

В первую очередь, нужно подчеркнуть, что возможность применения *аналогии* караимами не означает свободу религиозного комментирования. Как подчеркивал сам аль-Киркисани, необходимость в аналогии возникает лишь в случае туманности и абстрактности норм Писаной Торы. Возвращаясь к запрету лжесвидетельства в отношении «своего ближнего», можно логически вывести, что по аналогии данное правило может пониматься как общее правило о запретности лжесвидетельства. По большому счёту, аналогия является не самостоятельным источником религиозного знания, а логическим методом рационального познания Священного Писания.

Другим источником религиозного знания караимскими богословами признавался *консенсус*. Аль-Киркисани пояснял, что под консенсусом должны пониматься религиозная традиция и наследие еврейского народа (*Китаб аль-Анвар*, II, 18:1). Вместе с тем, как совершенно справедливо отмечает Дж. Олзови-Шлангер (*J. Olszowy-Schlanger*), формализация традиции мало способствовала сближению караимов и раввинистов. Караимские богословы отрицали принципиальную возможность формирования традиции отдельными, даже самыми авторитетными раввинами, поскольку полагали, что в таком случае будут возможны ситуации, при которых будут параллельно существовать несколько, причём противоречащих друг другу, традиций, разделяемых последователями и сторонниками отдель-

ных раввинов. Караимские мудрецы считали, что традицией может признаваться лишь такое поведение, которое разделяется всеми членами еврейской общины, она должна носить *универсальный* характер. Однако понятно, что выдержать монолитность традиции даже внутри самой немногочисленной караимской общины удавалось не всегда [7].

Концептуальные различия в понимании иудеями-раввинистами и караимами традиции прослеживаются на примере с толкованием запрета работы в *шабат*. Не останавливаясь на обрядовых и содержательных отличиях двух традиций, следует разобраться в причинах (предпосылках) таких расхождений. Как известно, в самом Священном Писании установлен общий запрет на работу: «Соблюдайте субботу, ведь она для вас – святыня. Тот, кто ее нарушит, должен быть предан смерти. Душа каждого, кто станет работать в этот день, будет отторгнута от своего народа. Шесть дней следует делать работу, а седьмой день – суббота покоя» (Исх. 31:13-15). Однако неизбежно возникает вопрос о том, какая деятельность может и должна признаваться *работой*. Принципиальность данного вопроса в прошлом осложнялась необходимостью применения сурового наказания – смертной казни. Во многом именно неясность религиозного закона становилась причиной углубления противоречий между иудеями-раввинистами и караимами: отсутствие единства по частным проблемам препятствовало нахождению компромисса по более общим, равно как и наоборот [7].

Постепенное расширение источниковой базы религиозного права у караимов неизбежно ставит вопрос о концептуальном изменении караимского религиозного учения и права. Как осторожно и достаточно смело замечает Дж. Олзови-Шлангер, признание универсальной традиции источником религиозного знания в большей мере сближает караимов с мусульманскими богословскими школами, нежели с раввинистами [9]. Сложно утверждать, насколько на развитие юридической логики караимских мудрецов повлияла мусульманская теология. Скорей всего, данному обстоятельству способствовали в большей мере прагматические цели правотворчества и правоприменения караимов, необходимость повседневно толкования норм Священного Писания. При этом, как признавал выдающийся караимский учёный, мудрец А. Фиркович, некоторыми караимскими учёными допускалась в исключительных случаях возможность применения «законов, написанных раввинами» [9, с. 25].

Следует также отметить, что основной тезис караимов о необходимости самостоятельного прочтения каждым человеком религиозных законов [8, с. 142] также не должен пониматься буквально. Как пояснял Я. Дуван, «так как не все люди одарены одинаковыми способностями, то не все люди могут своими собственными силами дойти до такой степени развития и совершенства. Поэтому достигшие этой степени своими стремлениями или с помощью других должны помогать в свою очередь ближним для достижения этой цели» [1, с. 2].

Последующее развитие караимского религиозного права свидетельствует о том, что караимы также идут по пути кодификации религиозного закона (е. г., книга Элияху бен Моше Башиячи «Адерет Элияху», кон. XV в.), что приводит к мысли о восприятии караимами аналогичного раввинистического опыта. Однако кодификация *per se* не является фактором сближения караимов и раввинистов, а скорее, является выражением (решением) практических потребностей караимов в правотворчестве и правоприменении.

Признание исключительно Письменной Торы источником религиозного права является предпосылкой того, что при возникновении малейших разночтений между положениями Священного Писания и традицией, а также комментариями Письменной Торы приоритетом будут обладать именно нормы Письменной Торы. Иными словами, традиция и комментирование выполняют лишь факультативную, вспомогательную роль в религиозной практике караимов. Именно поэтому неправы Дж. Олзови-Шлангер, упрощая противостояние караимов иудеям-раввинистам и сводя его к «интеллектуальной и политической оппозиции» [9, с. 26]. По этой причине некоторые черты сходства караимской и раввинистической традиции не должны приводить к выводу о тенденции их сближения — дальнейшее развитие караимского религиозного учения также показало сохранение и усиление фундаментальных расхождений с иудеями-раввинистами (в том числе в части понимания субботы, кошерности и т. д.) [8, с. 19].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дуван Я. Катехизис. Основы караимского закона: Руководство к обучению Закону Божию караимского юношества (одобрен караимским гахамом). СПб.: Типография Эттингера, 1890. 123 с.
2. Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право. СПб.: ИД Алеф-Пресс, 2015. 704 с.
3. Лейст О. Э. Сущность права. М.: Статут, 2011. 352 с.
4. Седер рав Амрам Гаон / под ред. А. Д. Фрумкина. Иерусалим: Типография Цукермана, 1912 (на ивр.), 431 с.
5. Тора / пер. с ивр. Д. Сафронова, под ред. А. Графова. М.: Книжники, 5774 (2014). 896 с.
6. Элон М. Еврейское право. М.: Юридический центр Пресс, 2002. 611 с.
7. Astren F. Karaite Judaism and Historical Understanding. Columbia (SC): University of South Carolina Press, 2004. 349 p.
8. Marriage and Its Obstacles in Jewish Law: Essays and Responsa / ed. by W. Jacob, M. Zemer. Tel Aviv, Pittsburg: Rodef Shalom Press, 1999. 255 p.
9. Olszowy-Schlanger J. Karaite Marriage Documents from the Cairo Geniza. Legal Tradition & Community Life in Mediaeval Egypt & Palestine. Leiden, NY; Koln: Brill, 1998. 522 p.

* * *

Ulbashev Alim Kh.

THE PROBLEM OF NORMATIVITY AND THE ISSUES OF LEGAL INTERPRETATION AMONG JEWISH KARAITES

(Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

The article deals with the problem of normativity and law interpretation by Karaite Jews. The author points out the general legal nature of these issues, whilst also highlighting the fact that they have been creatively comprehended by medieval Karaite sages, thus being of a great interest for modern science. However, the author is aware that this article is staging-problem and cannot cover the entire range of issues relating to the stated theme.

Noting the well-known difference between Karaism followers and Jews-Rabbinites, the author shows that the peculiarities of Karaite religious doctrine determined the need to create an original tool for the interpretation and application of the divine law (the Written Torah). The article contains an excerpt from the work of the largest Karaite scholars, which reveals the attitude of Karaism to questions (methods) of interpretation of religious normative material (among them is the question of interpretation of the Written Torah provisions in the event of when they are quite abstract and require a clarification). Special attention is paid to understanding of the source of religious law by the Karaite theological school members. For instance, the meaning of analogy as a tool of interpretation of religious texts is examined. The author also addressed a more controversial issue of the role of tradition as a source of religious law for the Karaites, and a distinction between Jews-Rabbinites and Karaites in understanding of tradition is pointed out.

Finally, the author analyzes the possibility of making comparisons between the teachings of the Karaites and the Jews-Rabbinites, on the one hand, and Muslims, on the other. The author concludes that some of the similarities between Karaite, Rabbinic and Islamic religious traditions should not lead to conclusions about the trend towards their convergence.

Keywords: Karaism; rabbinic Judaism; religious norm; interpretation of norms; the Written Torah; the Oral Torah; religious tradition.

REFERENCES

1. Duvan Ja. *Katehizis. Osnovy karaimskogo zakona: Rukovodstvo k obucheniju Zakonu Bozhiju karaimskogo junoshetva (odobren karaimskih gahamom)* (Catechism. Basics Karaite law: Guide to teaching the Law of God Karaite young people (approved by the Karaite Gaham)), St. Petersburg, Jettingera Publ., 1890. 123 p.
2. Kel'zen G. *Chistoe uchenie o prave, spravedlivost' i estestvennoe pravo* (Clean the doctrine of the law, justice and natural law), St. Petersburg, ID Alef Press Publ., 2015. 704 p.
3. Lejst O. Je. *Sushhmost' prava* (Summary right), Moscow, Statut Publ., 2011. 352 p.
4. Frumkina A. D. (ed. by) *Seder rav Amram Gaon* (Seder Rav Amram Gaon), Ierusalim, Cukermana Publ., 1912. 431 p. (In Hebrew).
5. Safronova D. (Translation from Hebrew), Grafova A. (ed. by) *Tora* (Torah), Moscow, Knizhniki Publ., 5774 (2014). 896 p.
6. Elon M. *Evrejskoe pravo* (Jewish Law), Moscow, Juridicheskij centr Publ., 2002. 611 p.
7. Astren F. *Karaite Judaism and Historical Understanding*. Columbia (SC): University of South Carolina Publ., 2004. 349 p.
8. Jacob W. (ed. by), M. Zemer (ed. by) *Marriage and Its Obstacles in Jewish Law: Essays and Responsa*, Tel Aviv, Pittsburg, Rodef Shalom Publ., 1999. 255 p.
9. Olszowy-Schlanger J. *Karaite Marriage Documents from the Cairo Geniza. Legal Tradition & Community Life in Mediaeval Egypt & Palestine*. Leiden; NY; Koln, Brill Publ., 1998. 522 p.

* * *